

ванный моток шерсти вярлуг становился «бухарским», глаз не оторвешь» [4, с. 99]. Способность преобразить облик вещи словом, по мысли писателя, есть настоящий признак творческого дара, показавшая умения силой фантазии преобразить мир, сделать его более ярким, красочным, расположенным к человеку, зачастую равнодушному к малым радостям жизни.

В тексте книги «Подстриженными глазами» отец главного героя предстает как человек, которому приоткрывается завеса над тайной, мистической стороной жизни, и вера в неведомое воспринимается окружающими как склонность к излещению, неуместному «фантазерству»: «Про отца говорили, что он «привирает»... Однажды вечером, вернувшись из магазина, сидел он один, только часы тикали, и вярлуг из «холодного» угла кто-то окликнул: «Михаил Алексеевич!» — а никого. Рассказывая про этот чудесный случай, отец посмеивался в ус... И никто не верил» [4, с. 99]. В свою очередь, автобиографический герой именно это обстоятельство воспринимает как частичное объяснение мистического характера своего творческого дарования, выразившегося в обращении к мифологии в целом и, в частности, к делюшкиным монолгии разных культур. В этом смысле отец герой предстает в тексте как персонаж, открывший маленькому сыну возможность существования предстательской дружки миров и проникновения в недосугные для обычного человека параллельные сферы бытия.

Более прозаическое, однако не менее важное в предстательстве писателя, значение имеет введение в текст упоминания о старшем брате: «Еще гимназистом он, бывало, <...> рассказывал какое-нибудь происшествие, и всегда чего-нибудь подпутит на удивление <...> про этого брата говорили, что «заливала» в его сочинениях не было от Хлестакова и Ноздрева, не было и от «Русских мушкетеров» Писемского, никакого бахвальства и никакой сноровки «перелюнуть», им ближе <...> чистый вымысел» [4, с. 102]. Рассказывая о старшем брате, герой обращает внимание не только на отличающуюся многообразием стилистикой его семьи «врожденную тягу к выдумке», но и на то, что брат получил филологическое образование «чужеземное воображение» с профессиональным отношением к слову. В рамках ремизовской творческой концепции именно подобный энциклопедический подход к тексту, книга дает писателю возможность на выражение в слове — в произведении — собственной позиции. Понимание ответственности за сказанное слово также расматривается автобиографическим героем как отличительная черта предстательской семьи, имевших в себе зачатки писательского дарования.

Таким образом, включая в текст книги «Иверень» и «Подстриженными глазами» рассказ о своей семье, автобиографический герой не только рисует картину своего детства, но, в первую очередь, пытается увидеть знаки предопределения своей писательской судьбы. Родовое «чужеземное воображение» в ремизовском понимании творчества становится определяющим признаком его писательской концепции. Желание закрепить право на звание писателя у Ремизова нередко приобретает оттенок психологической зависимости от судьбы, понимаемой им как факт. Представление об обладании писательским даром лежит у Ремизова на тонкой грани между мистической предопределенностью человеческого бытия и правоммерностью генетических связей, определяющих какую-либо роду деятельности.

Литература

1. Дюженко, С.Н. «Автобиографическое» и «анакрифтическое» в творчестве А. Ремизова / С.Н. Дюженко // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / отв. ред. А.М. Трачева. — СПб., 1994. — С. 33–40.
2. Раевская-Хьюз, О.И. Волшебная сказка в книге А.М. Ремизова «Иверень» / О.И. Раевская-Хьюз // Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. — М., 2000. — С. 604–614.
3. Раевская-Хьюз, О.И. Комментарии. «Иверень» / О.И. Раевская-Хьюз // Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. — М., 2000. — Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. — С. 615–678.
4. Ремизов, А.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. — М., 2000. — Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. — С. 615–678.
5. Позанов, Ю.В. Северный маршрут Алексея Ремизова: поэзия и правда / Ю.В. Позанов // Вопросы литературы. — 2004. — № 6. — С. 299–310.
6. Слобин, Г.Н. Проза Ремизова 1900–1921 / пер. с англ. Г.А. Крылова. — СПб., 1997.
7. Таркова-Вильямс, А. Тени минувшего. Встречи с писателями / А. Таркова-Вильямс // Воспоминания о себедраном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. — М., 1993. — С. 322–342.

О.А. Дербенева

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ПЕСЕННОМ ТЕКСТЕ 20–50 ПОЛОВОУ XX ВЕКА

УДК 81-39

В статье рассмотрены когнитивные модели концепта «Любовь», выявленные в результате анализа песенных текстов 20–50 гг. XX века, описаны особенности вербализации исследуемого концепта.

В статье рассмотрены когнитивные модели концепта «Любовь», выявленные в результате анализа песенных текстов 20–50 гг. XX века, описаны особенности вербализации исследуемого концепта.

образение
оргов сочи-
стями ни-
4, с. 290].
э истинно-
удельствие
и его пле-
тифико-то-
вить пове-
[кая схо-
позволяет
ть дядю в
ной жизни, и вера в неведомое воспринимается ок-
ружающими как склонность к излещению, неумест-
ному «фантазерству»: «Про отца говорили, что он
«привирает»... Однажды вечером, вернувшись из
магазина, сидел он один, только часы тикали, и вярлуг
из «холодного» угла кто-то окликнул: «Михаил
Алексеевич!» — а никого. Рассказывая про этот чу-
десный случай, отец посмеивался в ус... И никто не
верил» [4, с. 99]. В свою очередь, автобиографиче-
ский герой именно это обстоятельство воспринимает
как частичное объяснение мистического характера
своего творческого дарования, выразившегося в об-
ращении к мифологии в целом и, в частности, к де-
люшкиным монолгии разных культур. В этом смысле отец
герой предстает в тексте как персонаж, открывший ма-
ленькому сыну возможность существования пред-
стательской дружки миров и проникновения в недос-
угные для обычного человека параллельные сферы
бытия.

Более прозаическое, однако не менее важное в
предстательстве писателя, значение имеет введение в
текст упоминания о старшем брате: «Еще гимназис-
том он, бывало, <...> рассказывал какое-нибудь про-
исшествие, и всегда чего-нибудь подпутит на удив-
ление <...> про этого брата говорили, что «заливала»
в его сочинениях не было от Хлестакова и Ноз-
древа, не было и от «Русских мушкетеров» Писемского,
никакого бахвальства и никакой сноровки «перелю-
нуть», им ближе <...> чистый вымысел» [4,
с. 102]. Рассказывая о старшем брате, герой обращает
внимание не только на отличающуюся многообразием
стилистикой его семьи «врожденную тягу к выдумке»,
но и на то, что брат получил филологическое образо-
вание «чужеземное воображение» с профессиональным
отношением к слову. В рамках ремизовской творческой
концепции именно подобный энциклопедический подход
к тексту, книга дает писателю возможность на выражение
в слове — в произведении — собственной позиции. Понимание
ответственности за сказанное слово также расматривается
автобиографическим героем как отличительная черта
предстательской семьи, имевших в себе зачатки писательского
дарования.

Таким образом, включая в текст книги «Иверень»
и «Подстриженными глазами» рассказ о своей семье,
автобиографический герой не только рисует картину
своего детства, но, в первую очередь, пытается увидеть
знаки предопределения своей писательской судьбы.
Родовое «чужеземное воображение» в ремизовском
понимании творчества становится определяющим признаком
его писательской концепции. Желание закрепить право на
звание писателя у Ремизова нередко приобретает оттенок
психологической зависимости от судьбы, понимаемой им
как факт. Представление об обладании писательским
даром лежит у Ремизова на тонкой грани между мистиче-
ской предопределенностью человеческого бытия и правом-
мерностью генетических связей, определяющих какую-
либо роду деятельности.